

К.Р. Ваганова

Московский государственный областной университет

**Лингвоисточниковедческий анализ розыскных указов
Его Императорского Величества 1800 года: на материале
деловых бумаг Государственного архива Тюменской области**

Аннотация: В статье осуществлен анализ розыскных указов 1800 года с позиций лингвистического источниковедения и исторической стилистики, сделаны выводы о существовании шаблона при репрезентации информации о поиске тех или иных людей.

In the paper an analysis is made of His Imperial Majesty's 1800 search decrees in terms of the linguistic source study and historical stylistics, and the conclusion is drawn that there was a template for the representation of information about the search for certain people.

Ключевые слова: деловая письменность, XIX век, розыскные указы, лингвоисточниковедение, текстовые категории, функционально-семантические блоки.

Business writing, the 19th century, search decrees, linguistic source study, text categories, functional-semantic units.

УДК: 81-112.2

Контактная информация: Москва, ул. Ф. Энгельса, 21-а. МГОУ, факультет русской филологии, кафедра истории русского языка и общего языкознания. Тел. (499) 2676554. E-mail: ksenia.vaganowa@yandex.ru.

Распорядительная документация первой четверти XIX века иллюстрирует важный этап становления и развития делопроизводственной системы иного в системно-структурном отношении типа, в сравнении с прошедшими историческими эпохами. Отметим, что в результате административных реформ система государственных учреждений России была подвергнута серьезной корректировке: *коллегии* были заменены на *министерства*. Теперь решения стали приниматься единолично – конкретным должностным лицом в рамках владения соответствующими компетенциями. Вторым важным принципом было строгое распределение обязанностей управления между структурными подразделениями. Нарушение обязанностей влекло за собой конкретную меру ответственности, определяемую законом.

Внедрение основ иерархии определило последовательность подготовки решения и обязательное участие в этом всех структурных подразделений и должностных лиц – от «нижестоящих» к «вышестоящим». Были изданы специальные манифестационные программы от 8 сентября 1802 г., в которых говорилось о создании первых восьми министерств, и от 25 июня 1811 г. об учреждении общего регламента работы министерств, в том числе и об организации документооборота. «Образ производства дел» включал следующие виды деятельности: порядок вступления дел; движение их, собственно, производство; отправление дел; ревизию; отчеты [Делопроизводство, 2005, с. 32]. Первые три определяли путь прохождения документов от момента их получения

или создания до завершения исполнения и отправки. Ревизия предполагала тотальный контроль за качеством исполнения.

Как справедливо отмечает С.А. Глотова, «статус указов, изданных верховной властью до XIX века не всегда можно было однозначно трактовать. Во-первых, в силу того, что верховная власть использовала этот вид документа как для фиксации каких-либо новых правовых норм или правил, так и для фиксации частных распоряжений по отдельным случаям, во-вторых, указы издавались абсолютно на всех уровнях власти и всегда от имени Императора. В XIX в. статус указов, изданных верховной властью, закрепляется в нормативных документах» [Глотова, 2011, с. 178–179].

Материалом для настоящего исследования послужили розыскные указы *Его Императорского Величества* за 1800 год, которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области, фонд И-3 «Тюменский городничий». Они представляет собой одинаковые по формату листы, расположенные строго в хронологическом порядке. Эти деловые бумаги имеют верхнее и левое поля – 21-26 мм., на которых всегда делались пометки (например, вставки о том, когда документ был получен региональной канцелярией, когда был занесен в журнал регистрации; скрепительные надписи). Листы заполнены текстом только с одной стороны: это было обусловлено тем, что такие деловые памятники письменности требовали меньшего объема бумаги, поскольку писались не вручную. Наряду с таким принципом оформления документов в каждой рассматриваемой единице хранения выделяется от двух до трех разных почерков (а именно – приложений рук). Для последних использовалось гусиное перо, чернила оказались довольно стойкими и спустя двести лет практически не выцвели (исключения составляют подписи канцеляриста, которые располагались в нижней части документа).

Для иллюстрации приведенных особенностей делопроизводства приведем текст розыскного указа 1800 года, оригинал которого хранится в Государственном архиве Тюменской области:

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА | САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИСКАОГО, изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія, Тюменскому
Господину Городничему | Сообщеніемъ Новгородское Губернское Правленіе
требуетъ, у-чинить поиски, не окажется ли гдЭ помЭщика Головцына дворо|вой
человЭкЪ Василій Остафьевъ, бЭжавшей съ фальшивою от-|пускною, выкраден-
ной изъ Тихвинскаого УЭзднаго суда, и буде гдЭ сысканЪ будетъ, для отсылки
къ суду прислать въ о-|ное Правленіе. Тобольское Губернское Правленіе о п р е д
Э л и | л о: о выполненіи требованія Новгородскаго Губернскаго Прав-|ленія, къ
ГосподамЪ КоммендантамЪ сей Губерніи сообщить, | в ГородничимЪ и нижнимЪ
ЗемскимЪ судамЪ предписать у-|казами. Марта 21 дня 1800 года. АлександрЪ
Пивлуцкій.

Коллежскій РегистраторЪ
КанцеляристЪ

[Ф И-3, О.1, Д.376, Л.9].

В лингвоисточниковедческом плане розыскные указы представляют собой контаминацию трех основных функционально-семантических блоков (определение А.Г. Косова): первый / начальный блок, второй блок / блок основного содержания, третий / конечный блок. Причем срединная часть оказывается наиболее информативной, занимала более 60 % основного текста, поскольку в ней заключалась основные знания по вопросам организации розыскных мероприятий. Отметим дифференциальные признаки, которые присущи каждому из этих текстовых фрагментов.

I. Первый блок представляет вступительную клаузулу регистрационного типа: в нем определяются наименование настоящей деловой бумаги (*УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИСКАОГО*),

информация об основных участниках этого делопроизводственного процесса (*изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія, Тюменскому Господину Городничему*).

Вслед за С.А. Преферансовым, мы придерживаемся той точки зрения, что «строгие правила официального общения обуславливали регламентацию речевого поведения участников коммуникативного процесса – различных по рангу органов власти или должностных лиц – в формулах речевого этикета» [Преферансов, 2009, с. 40]. Последнее получало лингвистическое выражение «в употреблении формул со значением волеизъявления: *тебе повелевается* и др., доклада или сообщения: *в покорности извещаю* и др., отчета: *покорнейше рапортую* и др., уничижительной просьбы: *всеподданейше прошу, прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, прошу решение учинить милостиво резолюцією* и др.» [Там же, с. 84].

Для наименования собственно жанра деловых бумаг существовал несколько иной формат: составителями использовался шрифт более крупного размера, причем первая строка (*УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА*) также отличалась от второй части начального функционально-семантического блока (*САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИСКАГО*). Такой принцип оформления начальных реквизитов документов был характерен и для розыскных указов, написанных в региональных канцеляриях вручную (см., например, Ф. И-3, О.1, Д.316, Л.1, 3). Общность двух методик составления деловых бумаг позволила нам подтвердить тот факт, что шаблон был характерен в целом для жанра деловых документов.

Также в структуру этого текстового элемента входило наименование адресанта (*изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія*) и адресата (*Тюменскому Городничему*). Для обозначения отправителя розыскного сообщения использовалась предложно-падежная генетивная конструкция обобщенного типа. Инициализация была введена только в качестве подписи и приводилась в конце всего указа (*Александр Павлуцкій, Илья Мыльниковъ*).

Номинация получателя вписывалась обычно от руки, скорее всего, младшим сотрудником канцелярии, который мог не всегда хорошо справляться со своими обязанностями. Из-за увеличения делопроизводства наблюдается некоторая вариативность: *Тюменскому Городничему, Тюменскому Господину Городничему, Тюменскому Г-ну Городничему*. Частотными являются трехчленные конструкции (*Тюменскому Господину Городничему, Тюменскому Г-ну Городничему*), нежели двухчленные (*Тюменскому Городничему*). Получается, что этикетное обращение «*господин*» должно было носить обязательный характер репрезентации, но это не всегда соблюдается при оформлении деловых бумаг.

Правила направления документов от одного лица к другому в этот исторический период подробным образом описаны в практическом руководстве к административному и уголовному делопроизводству Н.В. Варадинова: «Если перед адресатом ставится предлог “в”, например “В Правительствующий Сенат”, “В губернское правление” и т.д., это являлось характерным признаком документа, посредством которого сносятся учреждения равные между собой, а также низшие с высшими. Указание адресата в дательном падеже, например, “Губернскому правлению”, “Уездному суду”, “Господину Московскому гражданскому губернатору”, являлось отличительным» [Варадинов, 1857, с. 92]. Безусловно, настоящая стилистическая особенность составления документа может быть отнесена к деловым бумагам начала XVIII века. Как верно подметила С.А. Глотова, «такая четкая привязка в указах формы адресования к иерархии управления косвенно подтверждает факт исторически сложившейся функциональной распорядительной нагрузки этого вида документа» [Глотова, 2011, с. 183].

Разграничение начальных реквизитов друг от друга было связано и с использованием диакритических знаков: *изъ Тобольскаго Губернскаго | Правленія, Тюменскому Г-ну Городничему*. Исторический синтаксис в начале

XIX века, представленный в розыскных деловых документах, не отличается разнообразием в плане экспликации тех или иных знаков препинания. Встречаем только запятые (43 или 72 %), точки (12 или 20 %), двоеточие (4 или 7 %), точка с запятой (1 или 1 %) ¹.

Интересным с лингвистическо-исторической точки зрения оказывается определение основного функционального потенциала знаков препинания в эту историческую эпоху. Заметим, что в первой половине XVIII века синтаксис не функционировал еще как отдельный раздел грамматики и существовал как приложение к морфологии. Как отмечает Т.И. Гаевская, «в грамматических трудах того времени не давалось еще понятия ни о сложных, ни о простых предложениях. Вот почему стремление В.К. Третьяковского конкретизировать правила употребления знаков препинания, в частности запятой, не только в простых, но и в сложных предложениях приобретает особое значение» [Гаевская, 1973, с. 24]. В основу теории он положил не только смысловой, но и синтаксический принцип. Чуть позже в своей грамматике (1797 г.) А.А. Барсов, продолжая традиции М.В. Ломоносова, заметит, что знаки препинания могут быть поделены и по степени длительности: «При запятой удерживается оный столько долго, как можно вымолчать слово один, при полученном знаке один, два, при двоеточии один, два, три, при точке один, два три, четыре, при молчанке – еще несколько долее» [Барсов, 1981, с. 76]. Так или иначе, вклад ученых в развитие синтаксической теории в конце XVIII – начале XIX веков был значительным.

Начальный блок, в целом, занимает небольшое пространство текста: в рассмотренных четырех розыскных указах 1800 года это всего 2,5 строки. Отметим, что расширение этого текстового элемента не предполагалось в связи с его основной функциональной направленностью – репрезентация первичных реквизитов (речь идет о *шаблоне* деловых бумаг). Спустя столетие, уже в XX веке, они будут «вынесены» делопроизводителем за пределы основной информации, в совершенно новый отдельный текстовый отрезок. В эпоху начала XVIII века начальный функционально-семантический блок остается связанным параметрами слитности и диффузности со всем текстом.

II. Блок основного содержания представлял сложное синтаксическое целое, состоящее из нескольких десятков клаузул. Число последних было обусловлено тем, что данный текстовый элемент являлся основным в проанализированных розыскных указах. Информативно эта часть была более насыщена (в сравнении с предшествующей), коммуникативно-прагматически – менее (в сравнении с последующей), и наоборот.

Перечислим основные клаузулы, частотность которых была максимальной в проанализированных розыскных указах *Его Императорского Величества*:

Номинация **инициирующего документа** с указанием территориальной соотнесенности: *Сообщениемъ Новгородское Губернское Правление, Сообщениемъ Саратовское Губернское Правление, Сообщениемъ Вологодское Губернское Правление*. Наиболее типичной оказывается форма следующего обращения вышестоящему руководству – жанр *сообщения*. Так, например, если на территории региона N совершается преступление S, сотрудник Губернского правления отправляет *сообщение* своему коллеге, который, по его мнению, наделен полномочиями и возможностями имплицитно данное антинормативное событие (разыскать преступника, беглого ссыльного, подозреваемого в противоправных деяниях и т.д.). Если же ситуация требует незамедлительного разрешения или же вопрос, предполагающий некоторое рассмотрение, касался общегосударственных проблем, назначался *указ*:

¹ Подобные статические выводы были сделаны нами только на анализируемом материале.

Губернское Правленіе по слушаніи указа Правительстующаго Сената 3 го департамента, отъ в 8 го минушаго Марта, | подЪ №о 1317 [Ф. И-3, О.1, Д.376. Л. 28].

Предикат, определяющий возможные формы активности адресанта: *требуетъ по доношенію <...> о сыску, проситъ учинить изысканіе, требуетъ, учинить поиски* [Ф.И-3, О.1, Д.376, Л. 3, 9, 23, 28, 31]. Выбор той или иной формы императивности всякий раз был контекстуально обусловлен: так, например, конструкция *«требуетъ по доношенію <...> о сыску»* эксплицировалась в том случае, когда система обращений одной организации в другую была трехчленной. То есть, инициатор *сообщения* оказывался только розыскным посредником в системе официальных мероприятий поиска. Словосочетание *проситъ учинить изысканіе* было частотным, но характеризовалось стилистической неоднородностью: существительное *изысканіе* еще функционировало в системе делового языка первой половины XIX века с пометой «высокое, книжное».

Как известно, одним из самых продуктивных при образовании существительных, мотивированных глагольной формой, в XIX веке был суффикс *-ни|/-ени|*, с помощью которого структурировалась лексика с отвлеченным значением. Как отмечает V. Kiparasky, данный морф употреблялся «преимущественно в письменной речи и имел ярко выраженный книжный характер» [Kiparasky, 1975, с. 291–293]. Причем его продуктивность в книжной речи «поддерживалась и стимулировалась влиянием церковнославянского языка, и позднее, когда их образование уже происходило на собственно русской основе, именно этот разряд слов служил постоянным источником пополнения сначала книжной, канцелярско-деловой, позднее научной и общепотребительной лексики» [Мальцева и др., 1975, с. 112].

Безусловно, обе стилистические системы (русский литературный язык и деловой язык) структурировали свой лингвистический потенциал таким образом, чтобы выработать основные формулы для экспликации тех или иных значений. Вышеназванное существительное (*изысканіе*) встречалось в деловых бумагах наряду с типичным для языка рассматриваемых текстов словом *поиски*. Обе номинации в XIX веке уже окончательно терминологизировались, поскольку их частотность была максимальной в розыскной деловой письменности.

Обратимся к историко-лингвистическим словарям, чтобы проследить этот путь семантизации. Так, в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» находим слово *изысканіе*, которое во втором значении содержит компонент **‘расследование’**, репрезентированный в следующем контексте: «Бысть въ Троицкомъ Сергиеве монастырѣ счетъ и изысканіе по наносу некоторыхъ не боящихся бога ту сушихъ» (Ч.Серг.Р. Аз., 61, 1654 г.) [Сл. рус. яз. XI – XVII вв., т. 6, 1979, с. 217]. Основным значением же была категориальная сема **‘мнение, взгляд, мысль’**, частотная для контекстов XI – XIV веков.

Отглагольное существительное *изысканіе* было образовано от предиката *изыскать*, который еще в конце XI века начал функционировать со значением **‘найти, отыскать’**: «Ростислава изыскаша в рецѣ и взяше и принесоша к Киеву» (Радзив. Лет., 126 об.). В начале XII века эксплицировалась сема **‘обнаружить (в результате расследования)’**: «Святославъ же Олговичъ нача испытывати бояръ новгородцкихъ , и изыскавъ, инѣхъ казни... и инѣхъ укрѣпи крестнымъ цѣлованиемъ» (Ник. лет. IX, 161) [Там же]. То есть, семантическое наложение значения **‘поиск’** происходило постепенно.

В «Словаре русского языка XVIII в.» компонент **‘расследование’** в слове *изысканіе* по-прежнему репрезентирован как вторичный в деловом контексте: «Одну часть из того <штрафныхъ денегъ> отдать тому фискалу чрезъ чѣ изысканіе, штрафные денги взяты будутъ» (УВ 1716, 129) [Словарь русского языка XVIII в.]. Безусловно, понятие *изысканіе* эксплицируется с некоторой отсылкой к стилистическим пометам в рассматриваемый исторический период, при этом

смена функциональной направленности вполне очевидна. Описание событий, происходящих в монастыре, сменяется картиной обыденной жизни, когда необходимо было отдавать *штрафные деньги*. Соответственно, можно сделать вывод следующего содержания: анализируемое слово семантически переориентировалась в сферу характеристики антинормативной жизни, которую репрезентировали анализируемые розыскные деловые бумаги.

Также «Словарь русского языка XI – XVII вв.» фиксирует сему ‘**поиск, разыскание**’ в слове *поискание*, при этом высокий стиль письма по-прежнему сохраняется: «Посыланъ былъ посоль къ вашей любви со многимъ дружнымъ братскимъ поисканьемъ, чтобъ ваша любовь о такомъ мЭшканьЭ, что наши послы долго не бывали, не покручинилися» (Рим.имп.д. II, 781, 1601 г.). [Сл. рус. яз. XI – XVII вв., 1990, т. 16, с. 134–135]. Соответствующий предикат *поискати* в первом значении начинает функционировать как ‘**заняться поисками кого-, чего-л., постараться найти, обнаружить кого-, чего-л., поискать**’ еще в конце XI века: «Въ град(Э), въ немъ (же живее)ши, и въ инЭхъ окръстныхъ поишти... единого члвгка бояштя ся» (Изб.Св. 1076 г., 178) [Там же, с. 135].

Получается, что еще в XI веке для русского языка была характерна синонимия понятий, обозначающих официальные мероприятия по определению местоположения того или иного человека. Контекст их словоупотребления мог быть охарактеризован системой стилистических координат текстов высокого духовного содержания. Только в конце XV – XVI веков начинают обособливаться конструкции, свойственные живому разговорному языку, что окончательно определило смену функционально-стилистических доминант. Понятие *изыскание* и *поиски* становятся контекстуально обусловленными и связанными со сферой словоупотребления в деловых бумагах.

Описание розыскной ситуации, чаще всего, представляет собой сложное предложение, в котором фиксировалась вся информация по данной антинормативной проблеме: *не окажется ли гдЭ помЭщика Головцына дворо|вой человекЪ Василій Остафьевъ, бЭжавшей съ фальшивою от-|пускною, выкраденной изъ Тихвинскаго УЭднаго суда, и буде гдЭ сысканЪ будетъ, для отсылки къ суду прислатъ въ о-|ное Правленіе* [Ф.И-3, О.1, Д.376, Л. 9].

В качестве первичной формы репрезентации данного параметра выступает семантический репертуар тематической многоаспектности. Поскольку необходимо было организовать процесс поиска разыскиваемого лица незамедлительно и (желательно) результативно, необходимо было создать качественный в информативном отношении деловой текст. Отсюда – значительные подробности по тем или иным аспектам возникшей ситуации. Так, *ОсипЪ ИвановЪ сынЪ Долговской былъ Тотемским мещанином, может находиться в Тобольской иной губернии, задолжал московскому купцу Василию Деватову 500 рублей формального суда* [Ф.И-3, О.1, Д.376, Л. 31]. Или, например, мы узнаем о том, что *пензенский мЭщанин Алексей Фокин отлучился изЪ города Пензы съ даннымъ ему паишпортомЪ* [Ф.И-3, О.1, Д.376, Л. 23].

Подобные информативные высказывания формируют предметно-логическую сферу розыскных деловых бумаг и используются в текстах всех указов 1800 года. Составитель документов понимает, что существование определенного блока информации в текстовом пространстве взаимообусловлено перечнем выражаемых интенций. В данном случае мы можем говорить о появлении определенной геометрической прогрессивной направленности и взаимообусловленности плана содержания (передача той или иной информации относительно либо розыска конкретных лиц, либо оперативных знаний) и плана выражения (языковых формул, морфолого-синтаксических форм и т.д.).

III. Конечный блок в розыскных указах 1800 года репрезентировал соответствующее решение, которое должно было быть принято во внимание адресатом и в дальнейшем исполнено. Данный текстовый элемент представляет

сложное предложение: называется адресант (*Тобольское Губернское Правление*), вводятся императив (*о п р е д Э л л о*) и собственно решение. Интересен тот факт, что экспликации направляющего предиката предшествует употребление составителем розыскной деловой бумаги такого знака препинания, как двоеточие. Использование последнего, с одной стороны, свидетельствует о введении далее второй части бессоюзного предложения, с другой стороны, оно сигнализирует об увеличении внимания со стороны получателя указа.

Настоящее решение по тому или иному вопросу необходимо было представить в подконтрольные отделы (их роль выполняли *Городничие* и *Нижние Земские суды*). Последние были созданы в 1782 г. на основе губернской реформы 1775 г. и стали выполнять роль административно-полицейских учреждений в уездах. После 1822 г. нижние земские суды войдут в состав частного окружного управления, а затем в 1837 г. будут переименованы в земские суды, которые в Западной и Восточной Сибири просуществуют до 70-х гг. XIX века [Краткий справочник по фондам]. Таким образом, в тексте анализируемых документов эксплицирована система вертикализации власти, когда вышестоящая организация отправляет документ нижестоящей, которые, в свою очередь, должны перенаправить его далее.

Последний текстовый элемент репрезентирует **несколько реквизитов**, свойственных розыскным деловым бумагам этого периода. Важным оказывалось моделирование показателей временных характеристик, которые носили векторный характер шаблонизации интенций адресата и адресанта и оформление возможностей пролонгированного анализа и обращения к деловым источникам. При этом функциональная роль категории времени довольно многомерна. «Текстовое время в данном случае можно в целом определить как реальное, имеющее ряд специфических особенностей, характерных именно для эпистолярного делового текста. Содержание письма включает реальные факты, фиксированные во времени, отсюда – предельная конкретизация данной категории» [Глухих, 2008, с. 21]. Получается, что составитель того или иного розыскного делового указа начала XIX века актуализирует свои интенции только в реальной модальности: *марта 21 дня 1800 года, апрЭля 3 дня 1800 года, апрЭля 17 дня 1800 года*.

Лингвистическое оформление конечного реквизита «дата» оказалось типичным для делового языка этого периода: репрезентация конкретного месяца, когда был составлен указ, затем вводился классификатор конкретного дня, и, наконец, указывался год. Подобный способ репрезентации текстовой категории времени обнаруживает и в предписаниях, и в рапортах, и памятках в рассматриваемую эпоху. Настоящая частотность еще раз подтвердила мысль о наличии шаблона розыскных деловых бумаг.

Таким образом, лингвоисточниковедческий анализ розыскных указов *Его Императорскаго Величества* за 1800 год позволил нам прийти к следующим выводам. Во-первых, распорядительная документация в настоящий исторический период широко использовалась в розыском делопроизводстве центральными и региональными канцеляриями. Деловые бумаги этого типа составлялись постоянно и перенаправлялись незамедлительно в силу короткометражности времени: поиск того или иного лица должен был быть осуществлен скорее.

Во-вторых, стандарт оформления розыскных деловых бумаг получил широкую языковую репрезентацию: соблюдаются три основных функционально-семантических блока, система реквизитов. Для обособления конкретного элемента текста по-прежнему используются «шрифтовое выделение» (в названии деловой бумаги) и «разрядка» (при назывании регламентирующего предиката). Подобные способы оформления текстового пространства носят шаблонный характер репрезентации и отличаются высокой степенью частотности в документах этого типа, но за иной исторический период (см., например,

розыскные указы за 1809 и 1826 гг., которые хранятся в Государственном архиве Тюменской области).

В-третьих, формирование семантической базы розыскного делового языка происходило постепенно, носило вариативный характер рефлексии относительно тех или иных структурирующих понятий. К последним можно отнести такие важные для текстов данной функциональной направленности ситуации, как *разыскание* и *поиски*. Лингвистический анализ розыскных указов *Его Императорского величества 1800 года* позволяет репрезентировать антинормативную картину мира, типичную для социально-политической ситуации того времени.

Литература

Варадинов Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел с приложением к оным образцов и форм. СПб., 1857.

Глотова С.А. Возникновение и развитие распорядительной документации в России в XVI – начале XX вв.: Дис. ... канд. истор. наук. М., 2011.

Глухих Н.В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. В аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала): Автореф. дис. ... док. фил. наук. Челябинск, 2008.

Делопроизводство. Организация и технологии документационного обеспечения управления: учебник для вузов / Т.В. Кузнецова, Л.В. Санкина. М., 2003.

Краткий справочник по фондам филиалов Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске и г. Ишиме. Тюмень, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://guides.eastview.com/browse/GuidebookCard.html?id=136> (дата обращения: 05.10.2013).

Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XV – XVIII вв. Л., 1975.

Преферансов С.А. Отражение общерусских норм и местных особенностей составления документов в региональной письменности XVIII века (на материале архивного фонда Царицынского городского магистрата) // Вестн. Моск. гос. областн. ун-та. Сер.: «Русская филология». 2011. №4. С. 82–87.

Российская грамматика А.А. Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. М., 1981.

Словарь русского языка XI – XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1979. Вып. 6.

Словарь русского языка XI – XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1990. Вып. 16.

Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1991. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>. (дата обращения: 05.10.2013 г.).

Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М., 1955.

Шушарина И.А. Деловая письменность Южного Зауралья XVIII в. в аспекте лингвистического источниковедения (варианты и норма в субстантивном склонении): Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999.

Kiparasky V. Russische historische Grammatik: In 3 Bb. Heidelberg, 1963–1975. B. 3: Entwicklung des Wortschatzes.

Источники

Указы *Его Императорского Величества* за 1800 год // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3, О.1, Д.376, Л. 3, 9, 23, 28, 31.